

83.3(2=Р4с)7-8

К-642

392477

Г. В. КОНДАКОВ

ШЕВЕЦ
ГОРНОГО
АЛТАЯ

ГОРНО-АЛТАЙСК - 1963

- 24386 -

ОНГУДАЙСКАЯ АЙМАЧНАЯ
• БИБЛИОТЕКА •

392477

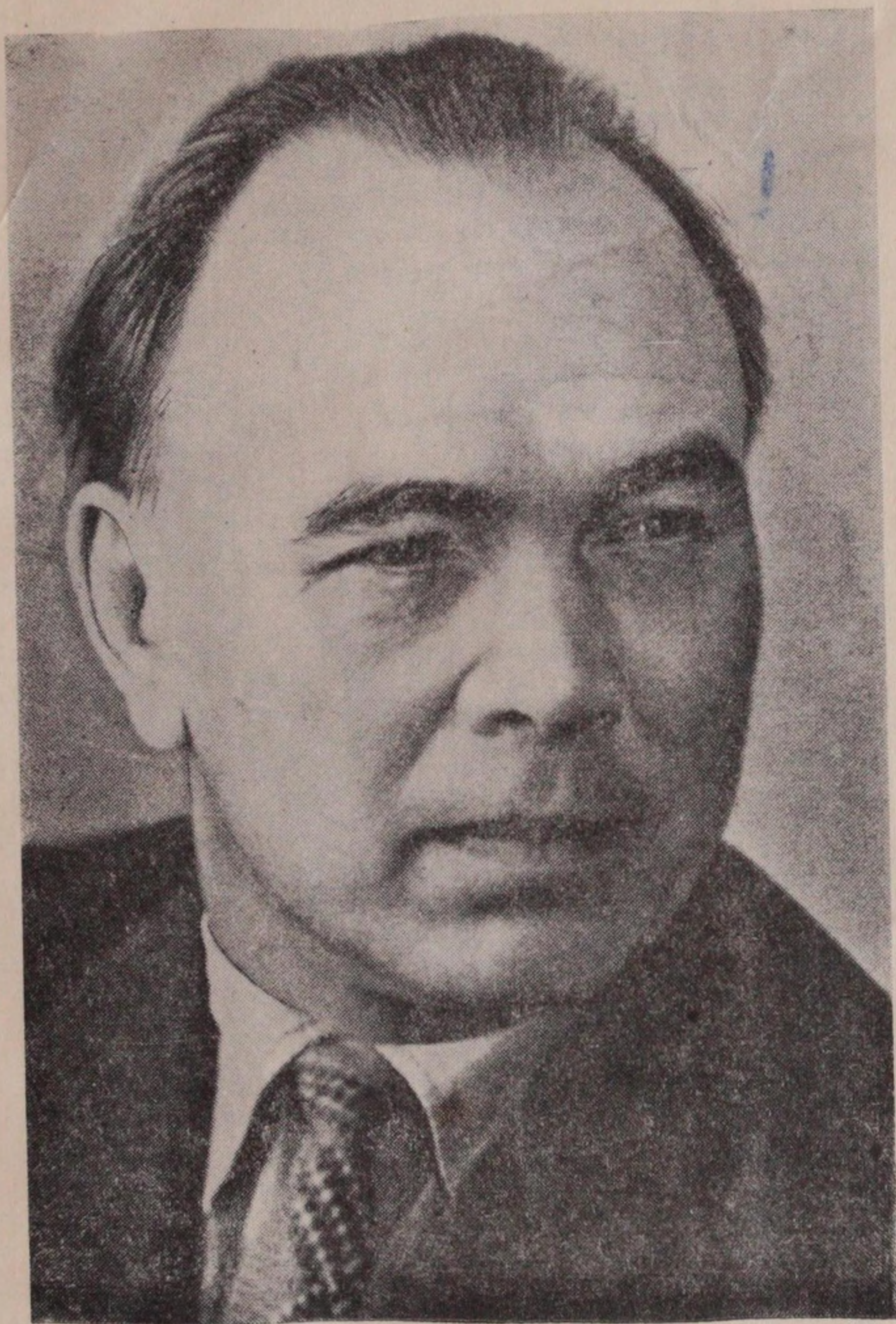
ноя ср 19-

3923/4

✓

!

ENCLOSURE

А. Коптелов

8
К64

Г. В. КОНДАКОВ

И ЕВЕЦ ГОРНОГО АЛТАЯ

Литературно-критический очерк

24386

ГОРНО-АЛТАЙСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1963

ОБЩЕСТВЕННАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
* БИБЛИОТЕКА *

83.3(2-Руч)7-8

к 642

О Т А В Т О Р А

В этом году исполняется шестьдесят лет со дня рождения известного писателя Афанасия Лазаревича Коптелова, в творчестве которого занимает значительное место тема Горного Алтая. В этой брошюре анализируются такие произведения писателя, как романы «Великое кочевье», «Сад», повесть «Снежный пик», очерк «Путь через века», посвященный талантливому алтайскому писателю П. В. Кучияку, и др.

392477 ✓

Горно-Алтайская
областная
БИБЛИОТЕКА.

Редактор С. С. Каташ
Художественный редактор И. И. Митрофанов
Технический редактор М. И. Техтиев
Корректор З. С. Стукалкина

Сдано в набор 23/IX 1963 г. Подписано в печать 31/X 1963 г.
Бумага 84 x 108 ¹/₃₂. Физ. п. л. 1,5. Усл. п. л. 2,46. (Уч.-изд. л. 2,2).
АН 10985. Заказ № 3076. Тираж 1000 экз. Цена 7 коп.

Горно-Алтайское книжное издательство,
г. Горно-Алтайск, проспект Коммунистический, 44.
Типография № 15, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 25.

«Я люблю этот очаровательный край. Люблю его заоблачные вершины, сияющие белизною вечных снегов. Люблю лесистые сопки, окутанные лиловой дымкой. Люблю тишину малахитовых озер, безумолчный говор быстрых речек, неповторимый аромат вековых зарослей кедрача, тонкие стрелы елок, устремленных в небо, и бесконечные россыпи цветов.

Там живут мои давние друзья—табунщики и чабаны, охотники и садоводы, научные работники и поэты, милые, дорогие сердцу люди».¹

Эта любовь известного советского писателя Афанасия Лазаревича Коптелова к Горному Алтаю, испытанная временем, эта верность дорогому краю является тем неиссякаемым родником, который питает творчество художника более трех десятилетий, помогает ему создавать интересные и своеобразные произведения. Творческая судьба А. Коптелова — это яркое свидетельство того, что только художник, связанный с жизнью народа любимого края, может создать книги, которые нужны народу.

Но А. Коптелов не является писателем узкой темы. Нет, его живо интересуют и жизнь и труд шахтеров Кузнецкого бассейна, и славные дела строителей Турксиба, и чудесные, поистине сказочные преобразования суровой сибирской природы садоводами-мичуринцами, и жизнь людей за рубежом (писатель за последнее время побывал во многих европейских странах—Болгарии, Чехословакии, Англии, Франции, Италии и др.). Все же

¹А. Коптелов, Поэты Горного Алтая, альманах «Алтай», № 1, 1962, стр. 118.

тема Горного Алтая в творчестве писателя остается ведущей. Она разрабатывалась Коптеловым в статьях, очерках, рассказах, повестях, и наконец, в романах. Знаменательно и то, что уже в начале литературной деятельности неизвестный еще широкому кругу читателей молодой сибиряк встречается с великим пролетарским писателем А. М. Горьким. Эта первая встреча состоялась в июле 1929 года. Всемирно известный писатель внимательно отнесся к своему юному собрату по перу. Он чутко выслушал рассказ А. Коптелова о Сибири и предложил ему сотрудничать в журнале «Наши достижения». В нем был опубликован один из очерков писателя о Горном Алтае, а потом «с легкой руки» Горького был перепечатан в одном из сборников издательства «Молодая Гвардия».¹

После первого съезда советских писателей, который состоялся в 1934 году в Москве и на котором присутствовали многие писатели Сибири, А. М. Горький пригласил сибиряков к себе в гости. На этой встрече был и А. Коптелов. Навсегда запали в сердце молодого писателя слова великого учителя: «Край у вас многоязыкий. Вы, сибиряки, должны помогать писателям малых народностей».² И этот завет, оставленный автором романа «Мать», в котором особенно глубоко выражены чувства братской солидарности с другими народами, чувства пролетарского интернационализма, стал путеводной звездой в жизни и деятельности писателя.

Афанасий Лазаревич Коптелов родился в ноябре 1903 года в крестьянской семье в деревне Шатуново, Залесовского района, Алтайского края. Писатель прошел большой и сложный путь из закоснелого кержацкого мира, где «петь—нельзя, плясать—воспрещено, гражданские книги читать—грешно, играть—не позволено», где царили жестокие обычаи,—к высоким вершинам настоящей культуры. И этого он смог достичь только благодаря огромному упорству и трудолюбию.

Рано началась трудовая деятельность будущего писателя. Уже с двенадцати лет мальчику пришлось вы-

¹А. Коптелов, У великого художника слова. В сб. «Горький и Сибирь», Новосибирск, 1961, стр. 412.

²А. Коптелов, Встречи. Новосибирск, 1952, стр. 22.

полнять тяжелую крестьянскую работу самому, так как отец ушел в армию. И прежде чем стать писателем-профессионалом, А. Коптелов работал и книгоношей, и избачом, и учителем, и землеустроителем, и в то же время он активно сотрудничал в местных газетах как селькор, пристально вглядываясь в жизнь. Еще подростком он пробовал писать рассказы и тогда почувствовал, что без знаний ничего не получится.

Годы упорной самостоятельной учебы, работы над собой принесли свои плоды. В журнале «Алтайская деревня» в 1924 году был опубликован первый рассказ «Поблазило». Потом его произведения одно за другим стали появляться в журналах «Сибирские огни», «Наши достижения» и в других периодических изданиях. А. Коптелов пробует свои силы в жанре романа. «Новые поля» — его первое крупное произведение о коллективизации сельского хозяйства. А. М. Горький просил писателя, чтобы он прислал ему для отзыва этот роман, но автор сам почувствовал, что книга получилась сырой, недоработанной, и не послал ее А. М. Горькому.

В последующие годы он создает ряд значительных произведений, получивших широкую известность в нашей стране, а также за рубежом: романы «Великое кочевье» (1934—1935), «Сад» (1954); повести «Снежный пик» (1946), «Навстречу жизни» (1946); очерк «Путь через века» (1947) и некоторые другие. Недавно А. Коптелов закончил работу над новым романом «Большой зачин», посвященном описанию жизни В. И. Ленина в сибирской ссылке, опубликованном в журнале «Сибирские огни» за 1963 год¹.

Прежде чем написать роман «Великое кочевье», писатель не раз путешествовал по Горному Алтаю, досконально изучил научную и художественную литературу, посвященную этому прекрасному краю, жизнь и быт алтайского народа. В ту пору, когда А. Коптелов начал свою писательскую деятельность, литература о Горном Алтае уже была значительной. Вспомним произведения Н. И. Наумова, В. Я. Шишкова, В. М. Бахметь-

¹ Кроме перечисленных произведений, перу писателя принадлежат романы «Светлая кровь», «На-гора», повести «Морок», «Черное золото», «Первый рейс», много рассказов и очерков.

ева и др. А. Коптелов продолжил те лучшие традиции, которые сложились в русской литературе о Горном Алтае.

Впервые тема Горного Алтая прозвучала в повести «Морок» (1927), в которой решается проблема взаимоотношений между русскими и алтайцами. А. Коптелов в этом произведении подчеркивает мысль, что бедняки как алтайцы, так и русские имеют много общего: у них одни интересы, у них общие враги — алтайские баи и зайсаны, русские кулаки. Повесть эта была еще далеко не совершенной в художественном отношении. В этом же году выходит очерк «Золотые горы».

Горный Алтай привлекал к себе пристальное внимание А. Коптелова не просто своей красотой, экзотикой, а больше тем, что здесь он знакомился с интересными людьми. Писатель прекрасно понимал, что художественная литература — это не описание экзотических сцен, а человековедение. Поэтому в своих очерках и рассказах об Алтае он главное внимание уделяет людям. В этом отношении представляют большой интерес такие его очерки и рассказы, как «Горными тропами», «Улубайрам», «Первая весна», «Тоотой», «Трубка зайсана», «Камень счастья», «Чебек Онуков». Многие образы этих очерков и рассказов, написанных в период с 1928 по 1934 год, стали прототипами романа «Великое кочевье». Образ проводника Ивана Егоровича из очерка «Горными тропами» и образ Миликея Кискина из рассказа «Первая весна» стали основой для создания образа Миликея Охлупнева; образ алтайского богача Аргымая из названного очерка развернут в образ Сапога Тыдыкова, судьба пастуха Тоотоя из рассказа «Тоотой» напоминает судьбу Ярманки Токушева и т. д.

Все эти очерки и рассказы повествуют о различных сторонах жизни алтайского народа. Они представляют большую ценность как произведения, по которым мы судим о том, как писатель овладевал материалом, вживался в него. Это была глубокая разведка перед созданием крупного произведения. Без этой, поистине опромной подготовительной работы, писатель едва ли смог бы создать такую интересную книгу, как роман «Великое кочевье».

Эта мысль подтверждается ответом Афанасия Коп-

телова на анкету журнала «Вопросы литературы». Редакция ежемесячника спрашивает у ряда писателей: «Какую работу проделывает писатель до того, как он сядет за письменный стол? В результате каких жизненных впечатлений возникает замысел? Каковы стимулы, побуждающие писателя взяться за осуществление этого замысла?» А. Коптелов пишет:

«С молодых лет я влюблен в чудесный уголок моей родины Сибири. Это—Горный Алтай. Я бывал там во все времена года, и Алтай всегда очаровывал своей красотой.

Вскоре у меня появились друзья среди алтайцев, чье детство прошло в дымной юрте. В летнюю пору мы заседывали лошадей и отправлялись по горным тропам в далекие поездки. Мы пересекали высокие снежные хребты, ночевали на берегах бурных рек и малахитовых озер. Нас восхищали трудовые подвиги людей, первых колхозников, только что перешедших на оседлость и переселившихся из дымных юрт в новые дома, стены которых еще пахли сосновой смолой.

Вместе с колхозниками мы охотились на косуль, удил хариусов в горных речках, загоняли маралов в станки, чтобы мастера своего дела могли срезать с красивых голов этих оленей целебные рога—панты. Мы видели, как сжигались на кострах шаманские бубны, как вчерашние кочевники начинали привыкать мыться в бане, как не только дети, но и пожилые люди садились за букварь.

Я записывал сказки и народные песни, собирал половицы и поговорки. Через десять лет мне были знакомы все обычаи этого народа, и я понял, что смогу приступить к работе над романом о перестройке всей жизни алтайцев. У меня были прототипы для основных персонажей. Мне уже были ясны главные сюжетные линии, основные события большого повествования. Но я еще не видел первой картины своего будущего романа, не знал, с чего начать и как назвать книгу.

Потом мне вспомнилась одна из правюр моего друга алтайского художника Николая Ивановича Чевалкова. Я снова взглянул на эту правюру. Там были изображены высокие горы, отвесно падавшие к реке. По обрыву извивалась тропинка. Друг за другом ехали всадники. Одни еще только взбирались вверх, другие уже спускались в долину, терявшуюся где-то далеко внизу, по дру-

гую сторону горного хребта. И хотя я сам десятки раз перебирался по таким тропкам через высокие хребты, хотя мне много-много раз приходилось встречаться среди каменных теснин с большими караванами алтайцев, перекочевывавших из одной долины в другую, на гравюре все это я увидел с какой-то новой остротой и обрадовался, как счастливой находке.

Так появилась первая страница, где рассказывается о сборах основных героев романа в путь-дорогу. Появился в романе и снежный хребет, и трудная тропа, и всадники с их тревогами и опасениями, с их надеждами на счастливую жизнь в далекой долине. Вслед за этим поновому сложились и первые главы романа.

Пока я вглядывался в давно знакомую гравюру моего друга, родилось и название книги — «Великое кочевье».¹

В этом кратком и в то же время исчерпывающем ответе А. Коптелов указал на то, как определилась тема Горного Алтая в его творчестве, как осуществлялся замысел романа «Великое кочевье».

Роман «Великое кочевье» — произведение, написанное в традициях русского классического романа. В нем писателем использованы многие традиционные сюжетно-композиционные средства, начиная с экспозиции и кончая обстоятельным эпилогом. Повествование разворачивается неторопливо, постепенно в него включаются десятки героев. Новое, в высшей степени оригинальное содержание — переход алтайского народа от кочевого образа жизни к оседлости, от первобытно-общинного и феодального уклада к социализму — нашло в книге своеобразное художественное выражение.

А. Коптелов в своем творчестве стоит на партийных позициях. Он прекрасно видит и понимает те идеалы, во имя которых он берет перо в руки, он чувствует всегда под ногами родную почву, он живет жизнью народа. «Каждый гражданин нашей страны, кто бы он ни был: рабочий или колхозник, ученый или писатель, художник или композитор — сыны и дочери своего народа и не мыслят себя вне жизни народа, вне его созидательной деятельности. Партийность и народность в искусстве не противо-

¹ Вопросы литературы, № 5, 1963, стр. 119—120.

речат друг другу, они составляют единое целое».¹ Эти высокие слова, сказанные о советских людях и советских художниках Н. С. Хрущевым в речи на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 7—8 марта 1963 г., относятся и к автору романа «Великое кочевье».

Роман «Великое кочевье» — многопроблемное произведение. Автора интересуют вопросы коллективизации сельского хозяйства в горах Алтая, классовой борьбы в алтайской деревне, проблема раскрепощения алтайской женщины и культурной революции алтайского народа. Решая все эти идейно-эстетические задачи, писатель в центре внимания ставит тему братской дружбы алтайского и русского народов, которая имеет давние исторические корни.

Проблемы эти не были надуманы писателем. Нет, они взяты из гущи жизни. Сам писатель, путешествуя по Горному Алтаю, беседуя с людьми, внимательно изучая быт и обычаи, поэзию алтайского народа, понял, что является главным в той перестройке, которая происходила в горах Алтая.

Как же решаются эти проблемы в произведении? В чем же величие событий, происходящих в книге? На эти вопросы можно ответить, только проанализировав систему художественных образов, выявив их эстетическую сущность.

А. Коптелов создал ряд замечательных образов представителей алтайского народа. Изображение положительного героя да ещё представителя другой национальности — дело сложное и тонкое, требующее прекрасного знания жизни и быта, психологии и культуры того народа, о котором пишешь; и с этой задачей писатель справился. Надолго останутся в памяти читателя образы Борлая Токушева, его брата Ярманки, Яманай Тюлюнгуровой, Анытпаса Чичанова и многих других.

Особый интерес представляет образ Борлая Токушева, человека, прошедшего большой и сложный путь от простого кочевника до заместителя председателя облисполкома. Он с десяти лет начал пасти байских овец. Когда стал старше, ему доверил зайсан Сапог Тыдыков

¹ «Литературная Россия», 1963, № 15, стр. 7.

пасти один из бесчисленных своих табунов. Пятнадцать лет пришлось ему работать, чтобы скопить пятьдесят рублей и уплатить калым за Карамчи. Вместе с братом он был в первую мировую войну на тыловых работах: рыл окопы, мерз в Пинских болотах.

Читатель впервые с ним встречается, когда уже закончилась гражданская война, когда род Мундусов перекочёвывает в долину Голубых Ветров. Перед нами вполне зрелый и самостоятельный человек, в сердце которого поселилась ненависть ко всем угнетателям. Ведь они убили его брата Адара, который завещал ему бороться с кулачем за новую власть, новую жизнь, чтобы люди стали «сильными, как богатыри, дружными, как братья, веселыми, как птицы весной, и чистыми, как цветы в солнечное утро».

Вот она, благодатная долина Голубых Ветров. Казалось, здесь людей ожидало приволье, сытая и спокойная жизнь. Но беда подстерегала их повсюду: во время перекочевки айлы были разрушены чьей-то злой рукой. Все говорят, что это сделал злой дух, потому что его не умилостивили, не покамлали. Вот и первое трудное испытание. Большого труда стоило Борлаю убедить сородичей остаться в плодородной долине. Правда, самые робкие откочевали назад.

Много суровых и тяжелых испытаний выпало на долю Борлая. Трудно бы ему пришлось, если б не задушевный и верный друг Филипп Иванович Суртаев, посланный партией работать в Горный Алтай кочевым агитатором. Суртаев быстро сблизился с людьми, к нему стали все относиться с уважением не только потому, что он знал алтайский язык, но и потому, что он хорошо знал обычаи народа, оказывал людям большую помощь советом и делом, учил грамоте, учил, как надо строить жизнь по-новому. Сердечная привязанность Борлая и его сородичей к Суртаеву хорошо показана автором.

Суртаев помогал своим новым друзьям избавиться от старых, ненужных привычек и суеверий. Так, после его беседы о сказке про джунгарского хана Ойрата, которая была сложена богатыми для обмана бедных, многие поняли, что косичка, которую они оставляют на голове, чтобы хан Ойрат мог узнать по ней свой народ, им совершенно не нужна. И вот Аргачи и Борлай срезают

своей косички. Это было смелым поступком. Вот как описана эта сцена в романе:

«Борлай взглянул на брата:

— Отрежем, а?

— Режь. Будешь красив, как комолая корова,— посмеялся Байрам.

— А у тебя смелости не хватает?

— Посмотрим, у кого хватит смелости выбросить кермежеков¹ из аила.

Сунув отрезанную косу за пазуху, Борлай подумал, что стал похожим на Филиппа Ивановича и может называть его братом».

Но кермежеки Борлай не сразу выбросил из аила. В его душе долго боролись два чувства: с одной стороны, под влиянием Суртаева он окончательно решил, что добрых и злых духов нет и в помине, что это выдумка хитрых и богатых, чтобы держать бедного человека в повиновении; с другой стороны, осталась какая-то боязнь: а вдруг что-нибудь случится. И все же Борлай освобождается от унизительных обычаев и суеверий прошлого. Он не только сам борется со старыми привычками, но и помогает своей жене расстаться с ними, приучает её к мысли, что мужчина и женщина — равны. И вот Карамчи впервые под влиянием своего мужа снимает чегедек² и идет с мужем на игрище, гордясь тем, что она сделала смелый шаг.

Постепенно Борлай становится закалённым борцом за новое дело, суровым по отношению к врагам. Ни происки врагов, стрелявших дважды в Борлая, ни лживая лесть бая Тыдыкова, ни подрывная деятельность кулаков и подкулачников не смогли сломить духа и веры этого сильного человека.

В конце романа Борлай Токушев перед читателем предстаёт коммунистом, умудренным жизненным опытом, твердо знающим, что ему делать. Недаром народ ему доверил высокий пост заместителя председателя облисполкома. Борлай понимает, что тех знаний, которые он получил на курсах, недостаточно. Он продолжа-

¹ Кермежеки — деревянные куклы, якобы охраняющие жилище от вторжения злых духов.

² Чегедек — одежда замужних алтаек, надеваемая поверх шубы.

ет учиться у жизни, у людей, читает книги. Так вчерашний кочевник становится государственным деятелем. Образ Борлая Токушева является большой удачей писателя, так как в нём автор сумел передать то своеобразное, самобытное, что характерно для психического склада алтайского народа.

Значение образа Борлая не исчерпывается только тем, что на его примере автор показал духовный и культурный рост представителей алтайского народа. В образах Борлая и Филиппа Ивановича Суртаева нашли выражения замечательные идеи братства и дружбы между алтайским и русским народами. Зёрна этой дружбы дали прекрасные всходы: в горной долине вырос алтайский колхоз «Светает», выросли новые люди, осознавшие своё место в жизни. К ним надо отнести в первую очередь Байрыма Токушева, Сенюша Курбаева, Чумара Камзаева, Тохну Содонова, Аргачи Чоманова и многих других.

Не все они сразу и не все одинаково быстро поняли, по какому пути им идти. Некоторые из них долго находились в байских тенетах, были не в силах вырваться из них. Особенно сложен и труден путь байского пастуха Анытпаса Чичанова.

Если Анытпас Чичанов с трудом, но всё же сумел порвать вражьи путы и стать по-настоящему свободным человеком, то Таланкеленг, обманутый баем, так и не смог найти себе верных друзей. Этим образом писатель подчёркивает две мысли: во-первых, человек, оторвавшийся от своей родной среды, в пору жестокой классовой борьбы неминуемо гибнет; во-вторых, враги колхозного строя цепляются за каждого человека, привлекают на свою сторону и жестоко мстят тем из них, кто хочет или пытается стать поперёк их пути.

Одиночество Таланкеленга выражено в сцене гибели отбившегося от родной стаи утёнка: «Глубокой осенью, когда рьяный ветер обмёл с лиственниц оранжевую хвою и запорошил землю снегом, пастух нашёл озеро покрытым тёмно-зелёным плисом льда. У лесистого берега, в маленькой полынье устало кружился черноголовый гоголь. «Наверно, подранок, летать не может,» — подумал Таланкеленг, отламывая сук. Гоголь выпрыгнул на лёд, суетливо зашлёпал лапами, правым крылом от-

талкиваясь, словно веслом. Левое крыло неуклюже волочилось. Алтаец опустил руку, пальцы ослабли, и сук упал к ногам.

«Остаться одному—это страшно, — подумал он в ту минуту. — Малыш не знает дороги в тёплые края. Ничего не знает, кроме этого озера».

Минули сутки. Полынья срасталась. Утёнок, разбивая красными лапками крошечное зеркальце воды, опять также суетливо ушёл от человека. А к следующему утру ледяные челюсти сомкнулись. Зеленоватый нос утёнка вмерз: он до последней минуты крошил белые зубы смерти; плюшевая шаль была осыпана снежным пухом, крыло поднято, как парус».

Таланкеленг понял, что он так же одинок. Но в душе его, как костёр в ненастную ночь, вспыхнула вера: он догонит стаю, вожак примет его. Но слишком поздно! Таланкеленг, знающий много о проделках Сапога Тыдыкова, сам выполнявший не раз его приказания, был бы опасен для классовых врагов. Поэтому они постарались побыстрее избавиться от неугодного человека, осознавшего, что он «отбился» от своих истинных друзей. Гибель Таланкеленга от руки Сапога Тыдыкова описана писателем с большой художественной силой. Он, как отбившийся от стада утёнок, упорно боролся со смертью, но она оказалась сильнее его.

Картина трагической смерти Таланкеленга, изображённая в том же минорном ключе, что и гибель дикой птицы, исключительно выразительна и впечатляюща. Смертельно раненый Таланкеленг уткнулся лицом в сугроб и правой рукой стал судорожно загребать мокрый снег, закинув левую за спину. Писатель снова повторяет полюбившийся ему образ: картина гибели птицы кончалась словами «левое крыло поднято, как парус», картина гибели человека: «ветер поднял рванный рукав, как парус». Сравнение простого, обыкновенного с высоким только подчеркивает трагизм свершившегося.

Если образом Борлая писатель утверждает, что прогрессивное было характерно для алтайского народа того времени, то образом Таланкеленга развенчивает покорность своей судьбе, пассивность и смирение.

Новое утверждает себя в жесточайшей классовой борьбе. Порой за это новое гибнут люди, которые были

когда-то против нового, боролись с ним. Это подтверждается образом Таланкеленга. Оно неодолимо, потому что на его сторону становятся все новые и новые борцы, привлеченные той жизнью, которую строят Борлай Токушев, Филипп Иванович Суртаев, учитель Чумар Камзаев, секретарь сельсовета Аргачи Чоманов, молодой колхозник Тохна Содонов и многие другие герои.

Вот простой русский крестьянин Миликей Охлупнев, мастер на все руки, горячо любящий труд, землю, бросает насиженное место и по зову сердца приезжает в алтайский колхоз, чтобы помочь алтайскому народу создать коллективное хозяйство. Алтайцы быстро полюбили его и крепко подружились с этим неумным человеком, который научил своих новых друзей строить дома с большими светлыми окнами, пахать землю, сеять хлеб. Неудивительно, что даже Таланкеленг, веривший больше Сапогу Тыдыкову да словам из старинной песни, в которой говорилось:

С Руси привезенные спички — не огонь,
Рыжий русский — не человек,

восхищается тем, как Миликей Никандрович помогает его сородичам. Таланкеленг делает вывод: «Значит, правду говорят: русские теперь помогают только таким хорошим людям, как братья Токушевы». Получается, что наказ Сапога: «Не доверяй русским: злые люди. Сядет рыжий — земля под ним выгорит, на том месте трава расти не будет» — точно пепел, развеяла сама жизнь.

В Миликее Никандровиче Охлупневе привлекает сочетание огромной, поистине богатырской силы с исключительно мягким и добрым сердцем, которое распахнуто дружбе, хорошим людям. Его жизнерадостность, неиссякаемая энергия передаются всем окружающим. Многие алтайцы стремятся подражать во всем своему наставнику и учителю. Охлупнев был хорошим учителем, потому что он сам перенимал у своих учеников их богатый опыт. А. Коптелов пишет об этом: «Никогда Миликей Охлупнев не был так доволен жизнью, как сейчас: он чувствовал себя очень нужным человеком. Не проходило не только дня, а даже часа, чтобы кто-нибудь из алтайцев не обращался к нему за советом. Он охотно учил людей новому для них делу. Да и сам он от своих

новых друзей научился многому. Он мог теперь безошибочно читать следы зверей на снегу, по зубам определял возраст лошадей и коров, знал, на какой траве лучше всего пасти отары овец».

Так писатель сумел создать интересный образ человека, у которого свой характер, своя речь, присущая только ему, пересыпанная народными словечками. Образ этот в романе несет большую идейную нагрузку: он помогает глубже понять идею братства, положенную в основу произведения.

Создавая образ Яманай Тюлюнгуровой, писатель показал, как сложен и труден путь молодой алтайской женщины, осмелившейся восстать против вековых предрассудков.

В самом начале своего жизненного пути, когда юная душа открыта всему светлому, всему прекрасному, Яманай столкнулась лицом к лицу с обычаем, запрещающим жениться людям из одного рода. Горячо влюбленная в Ярманку Токушева, она хочет переступить через этот закон. Но судьба сурово и зло надсмеялась над ней. Отец девушки за большой калым, предложенный Сапогом Тыдыковым, выдает ее за байского пастуха Анытпаса Чичанова, которого она не любила и не могла полюбить.

Яманай пытается убежать от своего мужа к родителям. Но те ее не приняли, ибо они придерживались старого закона: «Лошадь у того работает, кому продана; женщина там живет, куда выдана». Только случай заставил Яманай покинуть аил постылого мужа. С этого момента начинается ее возрождение. Она попадает в Дом алтайки. В ее судьбе приняла горячее участие русская женщина Макрида Ивановна, глубоко почувствовавшая трагедию молодой алтайки. Яманай стала самой способной ученицей Макриды Ивановны, быстро переняла нехитрый опыт своей наставницы. Здесь она научилась шить, стряпать, поддерживать жилище в чистоте, научилась писать и читать. Дружеское расположение, сердечная поддержка со стороны Макриды Ивановны окрылили ее, вселили в нее новые силы, веру, что жизнь прожита не зря, она еще может встретить Ярманку. Теперь она раз и навсегда решила, что никогда не вернется к прежней жизни.

2 Г. Кондаков.

Горно-Алтайская
областная
БИБЛИОТЕКА.

ОБЩЕСТВЕННАЯ АЛТАЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

392477
24986

В Яманай просыпается человек, гордый, знающий себе цену. Она уже твердо и бесповоротно определила дальнейший свой путь, стала бороться за свои взгляды, навсегда порвав со своим прошлым. И внешне она изменилась.

Яманай окрепла духовно. Она заканчивает совпартшколу, смело смотрит вперед, будущее ее светло и прекрасно. Когда человек свободен, когда он может не скрывать тех чувств, которые возникают в его сердце, тогда он становится еще красивей, окрыленной. Такой стала и Яманай. Исчезла в ней покорность, которая «лежала на ее душе и пригибала голову к земле, словно снежный ком вершинку гибкой березки. По весне жаркое солнце растопило этот ком, и березка выпрямилась, весело зашумела молодой листвой». Такой весной для Яманай была новая жизнь, пришедшая в родные горы. Освобожденная от пут косных древних обычаев Яманай, как и тысячи алтайских женщин, живших «слепо и немо», стала счастливой.

Особенно большое идейно-художественное значение в «Великом кочевье» имеет образ младшего брата Токушевых—Ярманки.

Перед писателем, создающим образ представителя другого народа, встает трудная и ответственная задача — изобразить национальный характер, полный самобытности и своеобразия. Можно при воссоздании национального характера ограничиться только внешними приметам. Народный поэт Башкирии Мустай Карим говорит, что «... у русских писателей встречаются иногда такие «колоритные» Ахметы и Абдуллы, кочующие из книги в книгу то в узбекском халате, то в татарской тюбетейке, то в туркменской мохнатой шапке, то в дагестанской бурке».¹

Внешние приметы порой необходимы, но их далеко не достаточно. Мустай Карим далее отмечает: «Воссоздать образ положительного героя да еще представителя другой национальности — задача нелегкая, но нужная и благородная. Чтобы решить ее, необходимо изучать и знать душевный склад, историю и традиции того наро-

¹ М. Карим. Думы в пути, Литературная Россия, № 7, 1963, стр. 2—3.

пробуждающихся трав. Далеко внизу реки пели свою вечную песню. На вершинах гор легло солнечное спокойствие. И на душе Яманай было спокойно». Величие природы успокоительно воздействует на Яманай, убежавшую из дома.

В пейзажах А. Коптелова проявляется и другое его качество как художника—это прекрасное знание алтайской фауны и флоры, поэтому его картины природы не только жизненно убедительны, хороши в эстетическом отношении, но они имеют и познавательную ценность. «Пришел самый большой месяц, с долгими днями — июнь, все взгорья и долины забросал яркими цветами: на белках рядом со снегом лежали синие поля крупных водосборов, ниже—пламенные пояса веселых огоньков, еще ниже — желтый альпийский мак, на лесных полянах высокий борщевник раскинул свои белые пушистые зонты, на сырых лужайках взметнулся малиновый Иванчай и золотистые лилии тихо покачивались на тонких ножках. Цвели горы и долины».

* * *

Советская литература многонациональна, между братскими литературами народов СССР существуют тесные творческие отношения. В наше время стало естественным явлением, когда художник одного народа пишет о жизни другого братского народа. Изображая жизнь другого народа, писатели использовали и используют произведения его устно-поэтического творчества, тем самым создавая национальный колорит. В этом отношении существует традиция и в русской литературе. Писатели-классики, изображая быт народов, живущих на территории России, обогащали свои изобразительные средства за счет культуры и фольклора других народов. Можно назвать такие произведения, как поэмы «Цыганы», «Кавказский пленник» А. С. Пушкина, кавказские поэмы М. Ю. Лермонтова, повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат», «Кавказский пленник» и др. Эта традиция русской литературы была продолжена А. М. Горьким.

Особенно обширное поле для взаимодействия и эстетического взаимообогащения литератур разных народов открылось после Великого Октября. Но процесс эстетического взаимообогащения литератур нельзя понимать

упрощенно, так как это довольно сложный и своеобразный процесс, которому в настоящее время в советском литературоведении уделяется большое внимание. Этой важной проблеме посвящены интересные исследования К. Зелинского, М. Фетисова, Г. Ломидзе, А. Климовича и многих других литературоведов. К. Зелинский, подчеркивая сложность данной проблемы, пишет: «Проблему творческого взаимодействия и взаимообогащения национальных литератур поэтому следует решать на фоне и в связи с реальным, экономическим, культурным и вообще всесторонним взаимодействием и дружбой народов между собой».¹

Проблема эта непосредственно вытекает и из творчества А. Коптелова.

За счет каких источников алтайской литературы шло эстетическое обогащение романа «Великое кочевье»? Прежде чем остановиться на характеристике этих источников, надо отметить, что обогащение — это результат глубокого исследования писателем жизни алтайского народа, и это ни в коем случае не рационалистический и не искусственный процесс, а сугубо творческий. Обогащение же «Великого кочевья» шло в основном по трем путям: во-первых, за счет использования произведений алтайского фольклора, во-вторых, за счет отдельных этнографических деталей, в-третьих, за счет использования лексических средств алтайского языка, или алтаизмов. Разумеется, что этот процесс далеко не исчерпывается только тремя источниками, он гораздо сложнее и многообразнее: ведь сложна и многообразна жизнь, изображенная писателем.

А. Коптелов — один из крупнейших знатоков алтайского фольклора, произведения которого он изучал в течение более трех десятилетий. Но он не просто изучал фольклор, он был его страстным пропагандистом. Ему принадлежит ряд статей по различным вопросам устного народного творчества алтайцев, им было переведено и опубликовано много фольклорных произведений. А. Коптелов за большую и плодотворную деятельность по сбору и пропаганде произведений алтайского фольклора,

¹ К. Зелинский. Литература народов СССР, Москва, ГИХЛ, 1957, стр. 119.

за огромную помощь, которую он оказывал алтайским писателям, был награжден орденом «Знак Почета».¹

Писатель умело вплетает в ткань романа произведения фольклора. Благодаря этому, они выглядят в художественной ткани романа не как инородные тела, а как своеобразные узоры, делающие картину более красочной, самобытной. Уже упомянутая сказка о Бии и Катунь, переплетаясь с идейным содержанием романа, подчеркивает остроту и сложность конфликта, остроту переживаний Ярманки и Яманай, попавших в плен вековых предрассудков.

Сказка же о книгах использована писателем в другом плане: ею Коптелов как бы указывает, что классовые враги порой используют как оружие, как убедительное агитационное средство—народную сказку.

Кочевой агитатор Филипп Иванович Суртаев учит алтайцев грамоте, и вот к ним на стоянку приходит Сапог Тыдыков, который рассказывает такую сказку: «Давно-давно у народа нашего были большие книги ясные, как солнце. Зайсаны хранили их в кожаных сумках с золотыми замками. Однажды кочевали наши предки в широкую долину. В те дни прошли дожди, вздулись сердитые реки, пересекшие путь. Вода залилась на спину лошадей, хлынула в сумы. Намокли книги, слиплись листы. Старики повесили хранилище мудрости на осину, чтобы жгучее солнце выпило воду из мокрых листов, но прибежала белая корова и изжевала листы».

Этой сказкой богатей хотел войти в доверие к беднякам, к Суртаеву, он даже нагло льстит: «Царь держал нас в темноте. Теперь для алтайского народа делают новые книги». И все это делается чуть ли не при помощи его, Тыдыкова, верного «друга» бедных.

Иногда автор использует не всю сказку целиком, а берет только фрагменты из нее. Так, Борлай, вернувшись с ученья от Суртаева, растроганный встречей с Карамчи, вспоминает сказку «Шелковая кисточка». Мысли Борлая переплетаются с отдельными моментами из сказки, как бы углубляя друг друга.

¹В 1953 г. в связи с 50-летием со дня рождения А. Л. Коптелов был награжден орденом «Трудового Красного Знамени».

Народ начинает строить новую жизнь, он начинает чувствовать себя хозяином своей судьбы. Появляются новые люди, готовые на все ради интересов народа. К таким новым людям относится Борлай, который крепко стоит за бедняков, не сгибается в трудную минуту. Борлай незаметно для себя начинает жить не узко семейными, а народными интересами. Он понял, какая огромная сила — товарищество. В прошлом таких примеров он не помнит, но в прошлом были герои, которые жили ради людей—это герои сказок, легенд, эпических сказаний. И не случайно во время встречи с Охлупневым и Макридой Ивановной он вспоминает сказание о богатыре Сартакпае, который «тропы в горах прокладывал», «мосты через реки строил», «поймал молнию и зажал в расщеп высокого дерева, чтобы всю ночь сиял свет».

Этот сказочный образ как бы говорит, что и сейчас есть люди, которых можно с полным правом назвать богатырями. Разве не богатырем стал Борлай? Ведь он теперь вместе с народом может совершить такие дела, которые были не под силу и самому Сартакпаю.

Большую идейную нагрузку несет и алтайская сказка про жеребенка и волка, рассказанная секретарем аймачного комитета партии Федором Семеновичем Копосовым: «В один ясный солнечный день жеребенок приотстал от табуна. Видит: на лугу валяется кто-то серый. На зайца не походит. На козленка не походит. Кто там такой? Интересно взглянуть. Жеребенок побежал туда, с каждым шагом все дальше и дальше отходя от табуна. А волк поджидает его. Подошел жеребенок совсем близко. Волк вскочил, прыгнул и вцепился ему зубами в горло».

Эта сказка в образной форме раскрывает волчью сущность и волчьи повадки Утишки Бакчибаева, сумевшего войти в доверие к Борлаю Токушеву и вступившего даже в колхоз. Но он показал свои клыки: хотел убить Борлая, но смертельно ранил его жену Карамчи, принес много вреда колхозу. Общее собрание единодушно изгоняет его.

Алтайцы—поэтически одаренный народ, тонко чувствующий красоту и обаяние сказочных образов. Это понимает не только Копосов, но и злейшие враги алтайского народа Сапог Тыдыков и кам Шатый. Когда в

юрту последнего ворвались разъяренные колхозники, узнавшие от Анытпаса Чичанова, что кам советовал ему убить Борлая Токушева, то кам защищает себя не оружием. Нет, он пускает в ход острое и испытанное годами оружие — слово: ведь оно всегда безотказно действовало на умы и чувства людей. Шатый хочет сказкой запугать разгневанных людей и уйти от заслуженного возмездия.

В романе использовано также более двадцати алтайских песен. Это не случайное явление. Дело в том, что песня была верной спутницей алтайцев. Едет ли он в гости — поет, пасет ли табун коней — поет, ожидает ли любимую девушку — поет. Особенно много песен исполнялось во время свадеб, ойынов.¹ Зачастую они представляли собой импровизацию. Поэтому использование в художественном произведении алтайских песен эстетически оправдано.

Своеобразна художественная функция песен в романе. Они характеризуют чаще всего не отдельного человека, а целый народ, поэтому и исполняют их обычно не один герой, а многие. Их поет и Ярманка, и Яманай, и Борлай, и Карамчи, и Байрым, и Муйна, и даже кам Шатый, и Сапог. Безусловно, что исполнение песни не означало, что исполнитель наделен каким-то талантом, что он певец. Нет, все это говорило только о том, что песня — это выражение дум и чаяний народа, в ней исполнитель выражал свою радость, свою боль, а порой свое мимолетное восхищение увиденным.

В романе мы встречаем и любовные, и свадебные, и колыбельные песни, встречаем и песни на общественные темы. У Борлая родилась дочь, над ее колыбелью звучит песня Карамчи, в нее женщина вкладывает всю свою душу:

В сыром ущелье выросший
Голубой цветок
Увидит ли солнце?
В бедном аиле родившаяся
Дочь моя
Увидит ли счастье?

¹ Ойын — игра.

Образностью и большой силой чувства отличаются песни Ярманки, посвященные любимой девушке:

Целый день ходил я по голубому камню, —
Трещины в голубом камне не нашел,
Целый год я выбирал молодую девушку...
Красивее тебя я не нашел.

Ярманка глубоко чувствует поэзию, поэтому в старые песни он вносит свои слова. Так, он заменяет в строке «Золотым листом богато одетая»... слово «золотым» эпитетом «молодым». Золотой лист характеризовал осеннюю березку, а ведь Ярманка посвящает эти строки любимой, а она для него была воплощением молодости и красоты.

Автор знакомит нас и со свадебными песнями, которые исполняются на пышном тое у Сапога Тыдыкова по случаю женитьбы его пастуха — Анытпаса:

На веселом лугу ставь аил свой.
Крепко утвердись стойбище твое.
Пусть жилье твое будет красиво,
Железный таган твой
Пусть будет крепок
И огонь твой неугасим.
Пусть лицо твое до последних дней
Умывается молоком.
Пусть аил твой всегда цветет довольством.

Последние слова, которые пропели, когда на голову Яманай «неожиданно опрокинули чашку парного молока», девушка уже не слышала. В песне говорилось о счастливой семейной жизни, а на сердце было безутешное горе. В этом случае песня только усиливает страдания Яманай.

Особенно большую идейную нагрузку несут песни, в которых рассказывается о новой жизни. В них новое и старое живет рядом, так как жизнь еще только начинает перестраиваться. Новое хорошо заметно на фоне старого. Молодой парень запел звонким голосом:

Летел гусь вверх по Катунь,
Бессильно махая крылом.
Мы видели жизнь страдальческую, —
Из черных глаз наших лились слезы,
Летит гусь вверх по Катунь,
Смело махая крылом.

Мы видим жизнь веселую, —
В черных глазах наших горит радость.

Характерно, что автор не называет исполнителя, как бы говоря этим, что песню мог пропеть любой человек, ибо она выражает сокровенные думы людей, кочующих к новой жизни.

В песнях находят отражение новые понятия, явления. Люди, раньше кочевавшие, объединились в колхоз. Об этом они создают песню:

Из четырех ремней сплетем узду —
В сорок лет не износится;
Золотистым хлебом засеем долину —
Колхоз наш окрепнет.
Из восьми ремней сплетем шлею —
В восемьдесят лет не износится.
Золотистым хлебом долину засеяв,
Колхоз встанет на железные ноги.

Впервые в жизни Борлай сеет пшеницу. Весенний день выдался чудесным. «Солнце ласкало. Улыбались горы. Тело наполнилось радостью. Да и как не радоваться, коли все стало иным! Ну как же не петь Борлаю Токушеву? И летит его песня над полем:

Конь,
Имеющий большие глаза,
Не успеет посмотреть,
Как мы с Миликеем
Засеем полосу.

Марал,
Имеющий длинные ноги,
Не успеет с горы на гору пербежать,
Как на колхозных полях
Поднимется урожай».

В языке романа, особенно в речи его героев, встречается много алтайских пословиц и поговорок, придающих речи неповторимый колорит и своеобразие. Народные выражения — испытанное средство индивидуализации речи героев. Стоит вложить пословицы и поговорки в уста какого-нибудь персонажа — и колоритная фигура готова. Но Коптелов не идет по этому протоптанному пути, потому что это было бы не всегда верно с точки зрения художественной правды, это, в конечном итоге,

не соответствовало бы жизни. Поэтому писатель пословицы и поговорки употребляет в речи различных героев, представляющих различные социальные группы, отчего направленность и значимость их исключительно возрастает. Они входят в художественную ткань без нажима, естественно.

Чаще всего пословицы и поговорки встречаются в речи Борлая и Сапога. Это — люди, стоящие на противоположных социальных полюсах, каждый из них должен тщательно заботиться о том, чтобы слово, сказанное им, было понятно слушателям, было бы близким для них. Особенно приходится изворачиваться Сапогу Тыдыкову. Он чувствует, что его авторитет падает в глазах сородичей, которые пренебрежительно стали относиться к нему, но с уважением к Филиппу Ивановичу Суртаеву, поэтому он все еще стремится образумить словами «заблудших», говоря: «Здравши голову, тотчас споткнешься.» Вот он льстиво говорит о том, что сердце его болит заботой о простых людях, и добавляет: «Чужой аил не раскрывай — свой будет закрыт». Сапог мягок и вкрадчив с людьми, которые независимы от него, но он груб со своими ближайшими помощниками, слугами. Он говорит своему верному слуге Кучуку, ухаживающему за его маралами, советуя не убивать животных: «Вверх подолом шубу не носят — умный у глупого совета не просит».

Пословицы и поговорки, встречающиеся в речи Борлая, свидетельствуют прежде всего о том, что носитель их является представителем алтайского народа, кровно с ним связанным, мыслящим порой категориями, которые отстоялись, приобрели ясную кристалльную форму. Поэтому он употребляет в своей речи народные выражения, характеризующие разные стороны жизни и быта родного народа: «Пропадет кобыла — останется хвост, грива да кости; убьют меня — тебе останется моя жена, аил и дети». «Ночь кончается — тайна открывается». «В хорошей семье отца слушаются». «Нерожденному ребенку зыбки не делай». «Зверь должен быть с шерстью, человек должен быть с именем».

Своеобразны пословицы, которые произносит Таланкеленг, они характеризуют его как человека, поняв-

слова из произведений наших классиков, как букет утратит тонкий и почти неуловимый аромат.

Следовательно, и в этом вопросе существуют в русской литературе определенные традиции, которых и придерживался А. Коптелов в своей работе над языком романа. Из алтаизмов, использованных в «Великом кочевье», мы можем выделить несколько групп: во-первых, слова, служащие для названия предметов быта, музыкальных инструментов, принадлежностей шаманского культа и т. д., которые не имеют в русском языке соответствующих понятий; во-вторых, слова, имеющие в русском языке соответствия, но употребленные в языке с какой-либо стилистической целью.

Вполне закономерно, что писатель в языке романа вводит такие слова, которым нет синонимов в русском языке, например: чегедек (длинная, широкая, безрукавная одежда замужних женщин), комус и топшур (виды национальных музыкальных инструментов), андазын (примитивная соха с деревянным отвалом), чегень (кислое молоко, из которого готовят араку—самогонку), кам (шаман), зайсан (родовой старшина, князёк) и др. Все эти названия подчеркивают своеобразие воспроизводимого быта.

Вторая группа алтаизмов выступает в качестве синонимов русских слов, зачастую они и употребляются рядом с русскими словами. Они же служат средством индивидуализации речи героев. К ним необходимо отнести слова: той (свадьба, пиршество), аил (юрта, сделанная из коры лиственницы), сеёк (род), ойын (коллективный танец, игры, забавы), аркыт (большой кожаный сосуд), чечой (деревянная чашка), табыш (новость) и др.

А. Коптелов, используя самые разнообразные художественные средства, сумел создать исключительно своеобразную, самобытную картину жизни алтайского народа, прошедшего великий путь, путь к социализму. С полным правом мы можем назвать роман «Великое кочевье» произведением, которое, отличаясь правдивостью и глубиной изображения жизни, стоит на магистральных путях развития советской литературы.

Роман «Великое кочевье» не только впитал в себя причудливую орнаментовку алтайского фольклора, но и оказал соответствующее влияние на дальнейшее разви-

тие алтайской литературы. Так, например, многие проблемы, решаемые А. Коптеловым, близки таким алтайским писателям, как А. Адаров, Л. Кокышев, Э. Палкин. Так, А. Адаров в рассказе «Одного рода»¹ решает проблему, сходную с теми отношениями, которые сложились между Ярманкой и Яманай. Л. Кокышев в своем романе «Арина»² рассказывает о жизненном пути простой алтайской женщины, судьба которой напоминает судьбу Яманай из «Великого кочевья». Много общего у Л. Кокышева и А. Коптелова в манере использования алтайского фольклора. Разумеется, это влияние нельзя рассматривать механически. Любой писатель находится или находился под влиянием своих предшественников, пусть и пишущих на другом языке, но он всегда будет находиться под влиянием главного стимула творческого развития—жизни, той самобытной национальной почвы, которая и воспитывает настоящего художника, а не компилятора.

* * *

В 1935 году А. Коптелов совершил восхождение на высочайшую вершину Горного Алтая — Белуху. В составе экспедиции были люди разных профессий: геологи, картографы, ботаники, шахтеры, трактористы, шоферы, командиры Красной Армии. Вскоре появляется в печати очерк «Восхождение на Белуху», основанный на фактах, свидетелем которых был сам писатель. Это произведение представляет интерес как дополнительное свидетельство того, что писатель изучает жизнь не из окна кабинета, а сам находится в ее гуще. Активная позиция писателя лишней раз подтверждается этим очерком. Кроме того, в нем много научных сведений о Горном Алтае. Автор прекрасно знает прошлое края, оперирует свободно многими научными данными. И в этом произведении Коптелов опирается на устное народное творчество. Здесь и песня о Катун-Баше, т. е. о Белухе, здесь и легенда о Сартакпае, и красочное описание сказочной птицы Кан-Керездэ.

Характерно, что из этого очерка писатель впоследствии перенес в свою повесть не только обстановку, в ко-

¹ А. Адаров. Годы и люди, Горно-Алтайск, 1962 г.

² Л. Кокышев, Арина, Горно-Алтайск, 1961.

торой совершалось это восхождение, но и образы отдельных людей, которые стали прототипами героев «Снежного пика».

Повесть «Снежный пик» — это светлый гимн мужественным и смелым людям, искренний рассказ о первой любви юноши и девушки, вспыхнувшей в трудном и суровом походе. Новое обращение писателя к своей излюбленной теме не является каким-то повторением того, о чем он уже писал. В этой повести писатель выступает перед читателем как тонкий лирик.

Лиризм сказывается в обрисовке характеров, проникновенном красочном описании природы, в приподнятости и живописности языка, в умении одной, казалось бы, незначительной деталью передать настроение своих героев.

Большой удачей писателя следует считать образ алтайского юноши Ыната. В стране идет быстрый экономический и культурный рост, все больше сближаются народы нашей страны, вырабатываются у советских людей общие коммунистические черты духовного облика. Ярким примером в этом отношении является Ынат.

Писатель дает портрет Ыната через восприятия давно не видевшей его матери: «Одежда на сыне незнакомая, узкая—все в обтяжку. Наверно, в городе товар меряют на скупой метр, а кожу кроют скрепя сердце: на ногах у сына, смешно сказать, сапоги без голенищ — с завязочками. Низы брюк запрягать некуда. Рубашка белее снега — возле костра в один день задымится. Разве можно носить такие рубашки? На груди зачем-то болтается шелковая ленточка — для счастья, что ли? А голову сын, видать, не брил и косу на макушке не заплетал с тех пор, как покинул юрту: пышные черные волосы зачесаны назад. Все забыл, чему родители учили с детства. Вон даже походка у него стала незнакомой, быстрой и легкой, будто он не человек, а тонконогий болотный кулик...»

Все новое, что мать видела теперь во внешности сына, глубоко ее волновало: она не понимала, к лучшему ли это или к худшему. Ынат—будущий учитель, все изменения во внешности, которые заметила Бабай, вполне естественны. Его духовный мир стал богаче. Он обладает большой силой воли, всегда верен своему слову. Вот

что он сам рассказывает об одном случае в педагогическом училище: «Русские ребята говорили там: «Тебе не бросить табак, — ты родился с трубкой». А я свое: «Даже забуду, как набивать ее». Взял да и забросил трубку в печку. Ребята мне — папиросы, махорку, табак. У меня руки дрожат, а я отворачиваюсь, будто мне противно: «Сказал не буду — точка». Переломил себя: теперь мне приятнее крапиву есть, чем дым глотать».

Ынат смел, мужественен, находчив в опасную минуту. Об этом красноречиво говорят его поступки. Клава срывается в пропасть. Только удивительное самообладание да трезвый расчет юноши спасли жизнь девушки. Эта была проверка на мужество, и этот экзамен Ынат с честью выдержал.

В этом трудном и суровом походе от каждого участника требовалось высокое напряжение сил и воли. И не отвага помогала им дойти до снежного пика, а дружба, которая возникла между людьми, объединенными прекрасной целью. Особенно горячо в отряде полюбили Ыната, готового в любое время прийти на помощь своему товарищу, попавшему в беду. Он мог лучше и быстрее многих ориентироваться в горах, лучше всех знал повадки алтайских лошадей, умел выбирать безопасную переправу через бурные горные реки, великолепно знал многие растения своего любимого края. Но самое главное, каждый видел в нем не только человека, наделенного природным умом и добрым отзывчивым сердцем, но и ровесника, получившего хорошие знания, с которым интересно поговорить обо всем.

Особенно тонко писатель показывает возникновение у Ыната первого робкого чувства любви к Клаве. Это проявляется в каждом поступке юноши, в его заботливом взгляде, в том внимании, которое он уделяет девушке. Писатель для выражения чувств, волновавших Ыната, находит теплые сердечные слова: «Ему хотелось быть рядом с Клавой, говорить с ней без умолку, без конца, обо всем на свете — о солнышке, о цветах, о певчих птицах, о золотой дудочке, в которую свистит иволга — птица-счастье. В детстве мать говорила: «Найдешь в лесу гнездо иволги — получишь в жизни радость: это твое эрдине, твоя драгоценность, твой талисман». Много дней искал гнездо, всматриваясь в густую листву берез — не

нашел: умолкла золотая дудочка—птица-счастье, улетела в теплые края. Мать утешала: «Прилетит будущей весной». Но в ту рощу птица не прилетела: обиделась, что озорной мальчишка все лето не давал ей покоя. Сегодня он слышит эту золотую дудочку: птица-счастье где-то рядом, в лучах солнца».

Да, эта «птица-счастье» рядом с ним, он касается ее руки, она улыбается ему, и глаза ее, светлые, милые, тоже сияют счастьем. Клава, студентка Томского университета, отвечает взаимностью на чувство Ыната. Ей было приятно думать, что рядом с ней такой сильный и хороший человек.

В образе Ыната воплотились лучшие черты советского молодого человека. Это вполне закономерно. «У советских людей разных национальностей сложились общие черты духовного облика, порожденные новым типом общественных отношений и воплотившие в себе лучшие традиции народов СССР», — записано в Программе Коммунистической партии Советского Союза, принятой на XII съезде КПСС.

Но художественная ценность образа не только в том, что в нем нашли отражение «общие черты духовного облика» советских людей, но и в том, что образ Ыната своеобразен, самобытен. Это своеобразие выражается в тех многочисленных навыках, которые необходимы человеку, живущему в горах, но особенно выражается в его речи, в складе его мышления. В этом отношении между Ынатом и Ярманкой Токушевым есть много общего. Ынат, как и Ярманка, использует в своей речи много таких понятий, которые почерпнуты из быта и жизни алтайского народа. Он часто обращается к устному народному творчеству: то рассказывает легенду о горной лилии, названной «слезами луны», то о Сартакпае, могучем богатыре, то сказку о бездомной жукушке. Не зря Клава его называет «живой алтайской энциклопедией».

Речь Ыната кратка и образна. Вот несколько примеров: «Он (Сартакпай) повел пальцем по Алтаю, горы, как мясо ножом, острым ногтем разрезал», «за рукой богатыря шла река, словно баран на поводке, беленький, кудрявенький такой, какие и сейчас бегут по воде», «запоешь — звери прибегут, птицы прилетят, все травы, все цветы к палаткам соберутся сказку слушать».

Интересны и привлекательны в повести образы Клавы Полетаевой, обладавшей «чувством неудержимой, восторженной любознательности», сумевшей угадать в Ынате сильного и мужественного человека; мастера спорта Евгения Александровича Брянцева, прекрасно знающего цену дружбе, которая рождается во время штурма ледяных вершин; матери Ыната—Бабай, боящейся за судьбу сына, ушедшего штурмовать вершину, где обитает горный дух.

Своей повестью «Снежный пик» А. Коптелов воспел героинку трудных дорог, убедительно показал, что люди, спаянные единой целью, бескорыстной дружбой, всемогущи. Им покоряются недоступные ранее вершины. Не случайно поэтому в конце произведения снова возникает образ алтайского богатыря Сартакпая. Дядя Ыната, Кара, сравнивает подвиг отважных смельчаков, покоривших Белуху, с делами легендарного богатыря. «Вместе с путешественниками на ледник пришли алтайцы-коногоны и колхозники, приехавшие из окрестных долин. Кара всем по очереди тряс руки и восторгался: «Сартакпай! Все — Сартакпай! Сами зашли, алтайцу пособили. Вот — люди стали!» В этих искренних словах сквозит гордость, восхищение. Погибла навсегда суеверная небыль о том, что человек не может подняться туда, где, по мнению старых людей, обитает горный дух. Мужественный дух советских людей оказался намного сильнее того, который был выдуман в сказках. Лиризм и задушевность повести проявляются, как уже отмечалось, не только в показе характеров главных героев, но и в тонких и проникновенных картинах природы Горного Алтая. Писатель восхищен этим чудесным уголком Сибири и от души воспекает его красоты, находя для этого яркие и сочные краски. Справедливо отмечает литературовед В. Купреянова, что «горный пейзаж принадлежит к лучшим страницам повести».¹

Великолепны описания утра, полдня, вечера в горах, они отличаются точностью и живописностью. Вот одна из картин природы: «Тяжелый свод неба потемнел и стал похожим на дымчатый хрусталь. И было непонят-

¹В. Купреянова, А. Л. Коптелов, Новосибирск, 1956. стр. 118.

но, как могли плавать под ним эти мягкие и пушистые хлопья облаков. Казалось, что их можно тронуть рукой, и они сомкнутся, как спелый шар одуванчика. Сквозь них видно небо. И солнце кидает в них радужные зерна, будто для того, чтобы испробовать всхожесть семян каких-то таинственно-чудесных цветов. Но непокорные облака встряхиваются, роняют зерна в снег, а сами тут же стареют, вытягиваются длинными ватными шарфами, и гора спешит закутаться ими».

В этом произведении А. Коптелов снова показал себя отличным знатоком алтайской флоры, тонким пейзажистом, умеющим так описать цветок или растение, что оно надолго остается в памяти читателя. Вот несколько зарисовок, сделанных как бы акварелью: «Кое-где цвели хрупкие серебристые звездочки величиной с горошину. Вот одна из таких дивных звездочек проколола корку льда и теплее всех своих соседок улыбнулась солнышку».

А как хороша такая миниатюра, посвященная описанию эдельвейса: «На темно-зеленой плите лежало скромное растеньице: дохни неосторожно—улетит под обрыв. Тонкая ножка его обвита узкими мягкими листочками, светло-серые замшевые лепестки аккуратно расположились вокруг пушистых метелок с легким серебристым отливом. В суровый горный мир малютка вошел закутанным в теплые одежды».

Повесть «Снежный пик» так же, как и роман «Великое кочевье», вобрала в себя многие произведения устного народного творчества алтайцев. Но функция алтайского фольклора в этом произведении несколько отличается от того, как он был использован в романе. Конечно, сказки, легенды, пословицы и поговорки и в повести служат средством создания колорита, но в основном они являются средством индивидуализации речи героев, в частности речи Ыната.

Повесть не лишена отдельных недостатков. Не совсем оправдана в произведении вторая сюжетная линия, связанная с восхождением супругов Дождиковых. Правда, можно сказать, образами Дождиковых писатель стремился обличить индивидуализм и усилить тем самым положительное начало — коллективизм, но от такого объяснения замысел писателя становится слишком обнаженным. Карикатурное изображение этих горе-альпинистов

нисколько не усиливает лирическую струю повести, она даже проигрывает от этих сатирических красок, как-то кричаще они выглядят в той картине, которая нарисована писателем. Но в целом это лирическое произведение — большая удача А. Коптелова. Эта книга показывает Горный Алтай с новой стороны, в ней мы снова видим выражение большой любви писателя к этому замечательному краю.

Исключительно важное место занимает в жизни и творчестве А. Коптелова очерк «Путь через века» (1947 г.), посвященный алтайскому писателю Павлу Васильевичу Кучияку, который был близким другом автора. Об этой творческой дружбе, которая взаимно обогащала обоих писателей, хорошо сказал С. Суразаков: «П. В. Кучияк и А. Л. Коптелов в продолжение всего лета 1933 года объездили весь Алтай. Начиная с этого времени, они стали очень близкими друзьями. Два писателя — русский и алтаец — стали как братья.

Кучияк, очень хорошо знавший жизнь алтайского народа, много рассказывал Коптелову, когда тот писал роман «Великое кочевье», об алтайских обычаях, психологии людей, о их жизни, познакомил его со многими алтайскими сказками, легендами, песнями. Может быть, благодаря этой дружбе А. Коптелов так правдиво изобразил в своем романе жизнь алтайского народа. Эта дружба принесла большую пользу и для Кучияка. Коптелов своей писательской работой, своими советами активно содействовал его творческому росту».

В своем произведении А. Коптелов выступает не только, как художник, рассказывающий историю жизни своего друга и собрата по перу, но и как литературовед, глубоко понимающий психологию творчества своего товарища по оружию.

Эта широта взгляда писателя на жизнь и творчество П. В. Кучияка выражена такими словами очерка: «Вся жизнь Павла Кучияка была большим и увлекательным путешествием из дымной юрты в светлый дом, из глухого урочища в город, из среды неграмотных охотников в среду советских писателей, из семьи полудиких язычни-

¹ С. Суразаков, Алтай литература, Горно-Алтайск, 1962, стр. 136—137.

ков в большую семью передовых народов мира, из мглы и мрака тесной долины на вершину современной культуры».

Очерк состоит из тридцати маленьких главок, объединенных одним героем. А. Коптелов нарисовал светлый образ П. В. Кучияка, человека и писателя, прошедшего сложный и противоречивый жизненный путь. Перед нами встает талантливый писатель, артист, великолепный рассказчик, прекрасный знаток своего родного края, хороший и чуткий человек. Но главное внимание автор уделяет литературным вопросам, связанным с творчеством П. В. Кучияка.

А. Коптелов в творчестве своего друга подчеркивает два начала: это, во-первых, связь его произведений с устным народным творчеством; во-вторых, творческое использование и изучение того богатого опыта, который был накоплен русской классической и советской литературой. Значительным произведением П. В. Кучияка является легенда «Зажглась золотая заря», которая создана в соавторстве со сказителем Д. Юдаковым. Она написана в лучших традициях алтайского фольклора и была высоко оценена народом. Эта большая удача писателя не была случайной: ведь он был замечательным знатоком творчества своего народа. «Работа Кучияка в области фольклора огромна, и заслуги его весьма значительны».¹

П. В. Кучияк сделал много для развития художественной прозы алтайской литературы. Большое значение в этой работе для алтайского писателя имел опыт, накопленный русской литературой. Вот что пишет о П. Кучияке А. Коптелов: «Он учился у русских классиков. Первыми повестями, прочитанными им, были «Станционный смотритель» и «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. За Пушкиным—М. Горький. Из современников—Н. Островский, А. Фадеев, М. Шолохов».

«Культурное влияние шло с запада и севера, от передового русского народа, из Москвы, из Новосибирска и других больших городов, из смежных русских сел. В юности Кучияк учился у русских строить избы и пахать землю. Русские люди дали ему грамоту, учили в Мос-

¹ А. Л. Коптелов, Встречи, Новосибирск, 1952, стр. 84.

кве. Русские писатели помогли ему открыть прозу для алтайского народа». Не последнее место в этом процессе занимал и сам автор очерка.

П. В. Кучияк был не только поэтом, прозаиком, но и драматургом, сам же исполнял отдельные роли в своих пьесах. В Горно-Алтайском национальном театре были поставлены такие его драматические произведения: «Борьба», «Петля», «Ямы», «Чейнеш», «Работа белых», «Враги в капкане».¹ Самый большой успех выпал на долю пьесы «Чейнеш» — наиболее зрелого произведения в идейном и художественном отношении.²

А. Коптелов подчеркивает, что П. В. Кучияк был не просто связан с жизнью народа, а жил вместе с ним, борюлся с трудностями, радовался вместе с ним его победам. В этом залог успеха и популярности творчества алтайского писателя не только в Горном Алтае, но и далеко за его пределами.

В очерке «Путь через века» А. Коптелов показал алтайского писателя как человека незаурядного характера и большой души.

В главе «Воробей, или Собачье ухо» любовно нарисован портрет П. В. Кучияка: «Перед опущенным занавесом стоял алтаец в черной рубашке, перетянутой узеньким ремешком. Безусое и безбородое лицо его походило на задымленную бронзу, маленькие черные глаза поблескивали, как спелая черемуха на солнце, пышные волосы взметнулись над широким лбом. В его стройной фигуре, в простоватой улыбке и задорном блеске глаз была юность, а в голосе и словах уже ясно чувствовалась зрелость: его можно было принять и за двадцатилетнего и за сорокалетнего человека».

Писатель отмечает в своем герое такие черты, как скромность, простоту, непосредственность. «Автор рассказал русским зрителям содержание своей пьесы и смущенно улыбнулся:

— Действия мало, агитации много. Сейчас сами увидите.

Это прозвучало трогательно. Впервые я видел авто-

¹ См. «Ученые записки» Горно-Алтайского научно-исследовательского института, вып. 4, 1961, стр. 91—105.

² Там же.

ра, который перед спектаклем говорил зрителям о недостатках своей пьесы».

А. Коптелов подчеркивает, что Павел Васильевич был прекрасным рассказчиком, умевшим передать обаяние алтайских сказок, легенд, он был великолепным исполнителем народных песен и отлично играл на алтайских музыкальных инструментах, что всегда вызывало восхищение слушателей... Вот Павел Васильевич исполняет «Охотничью кабаржиную»: «Он закидывает голову, смотрит как бы на небо, слегка приоткрывает рот, и мы слышим то скрипку, то звон крошечных серебряных колокольчиков, то щебет птиц, а порой и что-то такое, что ни с чем сравнить нельзя. Мы сидим, затаив дыхание, и смотрим на певца. И всем нам кажется, что тут какой-то обман зрения. В самом деле, стоит только на секунду закрыть глаза, как тотчас же вся сцена заполнится музыкантами: вместо одного человека будет оркестр».

Павел Васильевич показан и в кругу семьи. Кучияк любил сказание «Алтын-Тууди». «Образ Алтын-Тууди Кучияку нравился за смелость и находчивость в бою, за честность и прямоту, за выносливость в походе и, самое главное, за любовь к своему народу. Ему хотелось, чтобы эти душевные качества приобрели его дети, и он часто читал былинку в кругу своей семьи. Также часто читал он и те былины, в которых повествовалось о богатырях, стоящих на страже и защищающих землю своего народа от посягательства иноземных захватчиков. А иногда он снимал со стены топшур и, ударяя по струнам, пел героические сказания».

А. Коптелова в Кучияке—человеке—привлекают те качества, которые были характерны для положительных героев его произведений. П. В. Кучияк и в жизни ратовал за те же идеалы, что и в литературе. Понятия: человек, писатель, гражданин — были нерасторжимыми для П. В. Кучияка. Поэтому в трудные годы Великой Отечественной войны он дважды обращается в военкомат, чтобы его взяли на фронт. В своем заявлении П. В. Кучияк писал: «... Мне доверили большевистское перо. Я мог бы в военное время активно участвовать в печати, но я не могу сидеть дома: сердце мое рвется туда, где наша доблестная армия бьет зарвавшихся фашистских пала-

чей. Сегодня я считаю вполне правильным—перо сменить на штык...» Но по состоянию здоровья его не могли взять на фронт, и он помогал фронту своим словом художника.

А. Коптелов с большой любовью нарисовал в своем очерке «Путь через века» образ П. В. Кучияка и как талантливого алтайского писателя, произведениям которого суждена долгая жизнь, и как замечательного человека, человека-гражданина.

* * *

А. Коптелов и в последующее время уделяет много внимания Горному Алтаю, его людям. В газетах и журналах периодически появляются его статьи, очерки, в которых говорится о новых проблемах, взволновавших писателя. В 1947 году читатели познакомились с его очерком «Рождение садов» о замечательном алтайском мичуринце Михаиле Афанасьевиче Лисавенко, в 1953 году—с очерком «Вести мира», посвященным тому новому, что он увидел на Алтае. Сейчас можно с уверенностью сказать, что многие впечатления, связанные с Горным Алтаем, нашед-

А. Коптелов за работой

шие в какой-то степени отражение в названных очерках и других материалах, пронизывают и другое крупное произведение писателя — роман «Сад» («Сибирские огни», № 1, 2, 3, 1955).

И в этом романе писатель снова возвращается к своей любимой теме. В жизни алтайского народа произошли огромные изменения: выросла экономика, культура, появились свои ученые, писатели, инженеры, учителя, врачи, агрономы и даже садоводы. В прошлом жители Горного Алтая не только не занимались садоводством, но и не могли мечтать о своих «доморощенных» яблоках, которые бы ничем не отличались от европейских сортов. А могли ли думать о винограде?

И вот на страницах нового романа писатель нас знакомит с молодым представителем алтайской интеллигенции — с младшим научным сотрудником опытной станции Колбаком Сапыровичем Тыдыевым. У него «добродушное лицо», по-детски безудержная улыбка, «бойкие искорки в черных, как уголь, узковатых глазах», «брови, вскинутые в сторону висков, словно крылья птицы в полете». Жизненный путь этого обаятельного парня типичен для алтайской молодежи. Сын простого охотника, родившийся в юрте, прокуренной дымом, выучился и стал садоводом и проводит дерзкие опыты по выращиванию... винограда. Да, чудесные перемены произошли в жизни.

Между Трофимом Тимофеевичем Дорогиным, главным героем этого произведения, и Тыдыевым происходит интересный разговор. Оказывается, Трофим Тимофеевич был другом отца Тыдыева, и сейчас еще мать вспоминает этого русского, называя его «друк Тропим».

«— Я помню тебя вот таким! — Дорогин, слегка раздвинув руки, показал длину новорожденного младенца. — Маленький балам качался в берестяной люльке. Осенью дело было. А перед Новым годом я приехал второй раз косуль стрелять. Мороз стоял злющий. Лед на Кудюре раскалывался. Юрта обволоклась инеем...

— Вы в юрте родились? — спросил Тыдыева один из журналистов, оказавшихся рядом с ним.

— Не помню, где это было, — усмехнулся Тыдыев.

— А у меня все перед глазами, — продолжал Дорогин. — Возле костра — яма. Тебя завернули в овчину и

положили: в ямке, однако, теплее. Мы с охоты вернулись, отец тебе сунул кусочек сырой косульей печенки: «Соси! Крепкий будешь, здоровый...» Ты и впрямь, бадам, крепкий вымахал! — Трофим Тимофеевич похлопал парня по плечу. — Мама-то где живет?

— Дома. В колхозе. Поедемте в гости.

— С радостью бы... Я там по всем сопкам с твоим отцом ходил, охотничьи костры жег... Один раз медведя свалили. Печенку на вертеле жарили...

— Ну а теперь яблоч тамошних попробуем... Поедемте...

— Трудно мне, однако, верхом-то через горы... Вот если бы...

— На самолете! — подхватил Тыдыев. — Вместе с Арефием Константиновичем. Он много раз в Кудюр летал».

Этот интересный разговор — яркое убедительное свидетельство роста мастерства писателя, умеющего отбирать самое нужное, самое существенное. По этому мимолетному разговору мы узнаем о тех великих переменах, которые произошли в жизни алтайского народа. Слова: яблоко, самолет, которые отсутствовали в алтайском языке, теперь молодой ученый произносит, как обычные будничные слова, как слова: вода, хлеб.

Образ садовода Тыдыева не является в романе главным, поэтому писатель не рисует его всесторонне. Из романа мы узнаем о нем, что он горячо любит свое дело, что в «работе ровный», что он является «первым учеником» известного сибирского ученого профессора Петренко; автор также очень бегло знакомит с семейной жизнью молодого ученого.

Но в творчестве писателя этот образ занимает особое место. Он, во-первых, еще раз говорит о том, что автор «Великого кочевья» не остановился на достигнутом, что он стремится художественно осмыслить то новое, что рождает сама жизнь; во-вторых, Тыдыев как бы усиливает основную направленность романа, его идейное содержание. Писатель, показывая увлеченность молодого ученого, тем самым утверждает жизненность садоводства в Горном Алтае. Отряд покорителей сибирской природы пополняется все новыми энтузиастами, готовыми на научный подвиг ради свершения дерзкой

мечты. Вот таким человеком и является Колбак Сапырович Тыдыев.

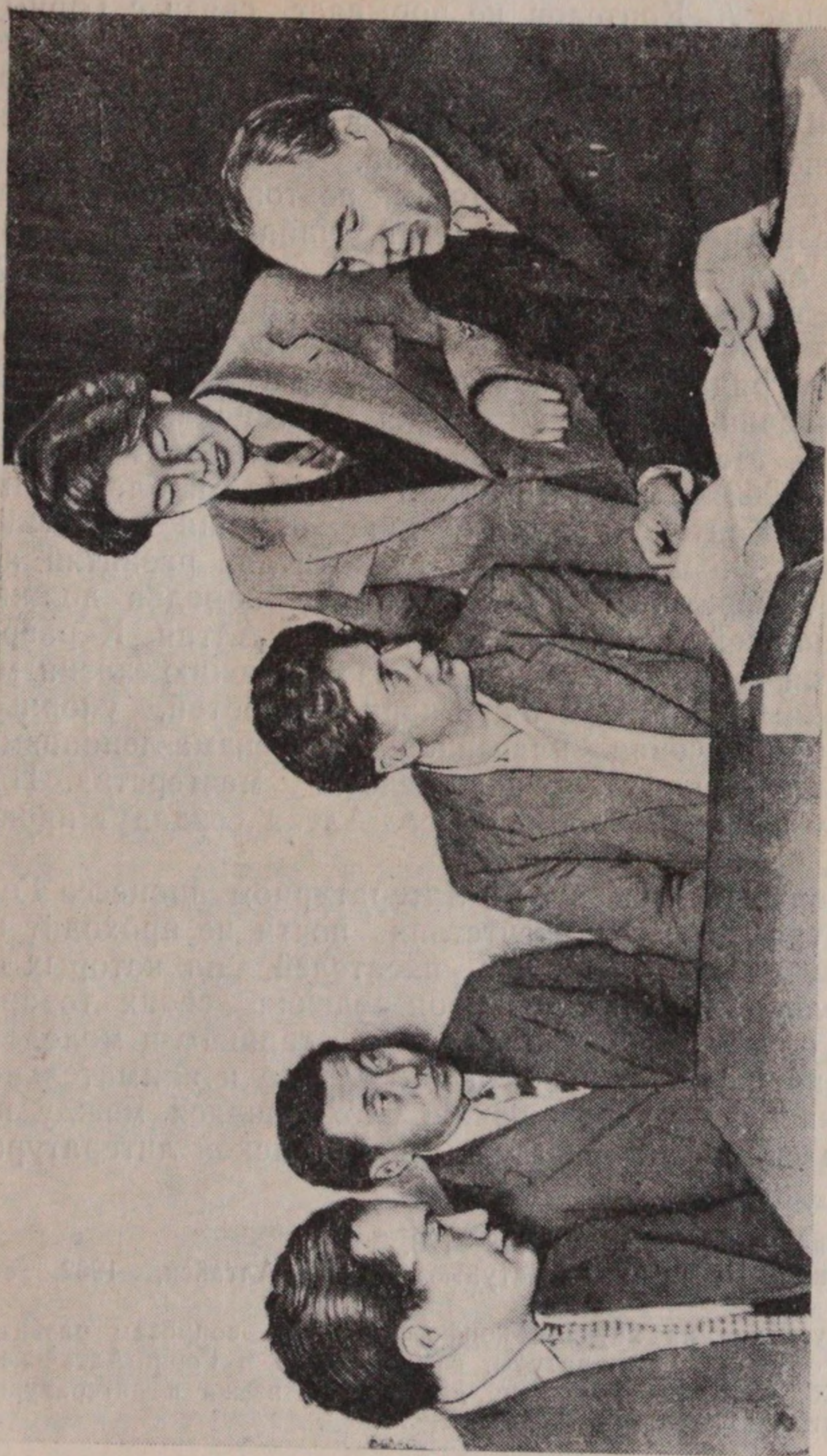
И сейчас А. Коптелов не порывает связи с Горным Алтаем, с алтайскими писателями. Только в последнее время им были опубликованы такие материалы, как статья «Поэты Горного Алтая»¹, в которой рассматривается творчество С. Суразакова, А. Адарова, Л. Кокышева, Э. Палкина и других поэтов; очерк «Кош-Агачские встречи»², посвященный чабанам и пастухам Чуйской степи; статья об алтайской литературе «Солнечные просеки», опубликованная в «Литературной газете» за 1962 год. В это же время писатель был составителем ряда сборников стихов, рассказов, героических сказаний, как-то: антология «Алтайская литература» (1955, Москва), «Героические сказания» (Горно-Алтайск, 1963) и др. Поистине огромна и благородна работа А. Коптелова по оказанию помощи алтайским писателям. Он подчеркивает главное для развития алтайской литературы: «Тема дружбы народов должна стать основной для писателей Горного Алтая. К разработке этой темы, к правдивому изображению жизни мы все должны готовить себя упорной работой, упорным овладением учения классиков марксизма-ленинизма, упорным совершенствованием своего мастерства. Идя по этому пути, писатели Горного Алтая создадут произведения, нужные народу».³

А. Коптелов участвует в литературном процессе Горного Алтая. Без его присутствия почти не проходит ни одно совещание алтайских писателей, на которых он внимательно анализирует произведения своих товарищей по оружию. Каждый писатель старшего и молодого поколения ощущает на себе его чуткое и внимательное отношение. Форма отношений, сложившаяся между известным сибирским писателем и алтайской литературой

¹ «Алтай», 1962, № 1, стр. 118—128.

² Сборник «Песни над Катунью», Горно-Алтайск, 1962, стр. 14—29.

³ Выступление на научной конференции по вопросам развития алтайского языка и литературы, состоявшейся в Горно-Алтайске в 1951 г. Сб. «Вопросы развития алтайского языка и литературы», Горно-Алтайск, 1954, стр. 93—98.

На снимке (справа налево): А. Коптелов, А. Адаров,
М. Юдалевич, Э. Палкин, Л. Кокышев

в целом, явление глубоко знаменательное, характерное для нашего времени.

* * *

Опыт А. Коптелова в изображении жизни алтайского народа имеет принципиальное значение в советской литературе. Произведения известного сибирского писателя мы должны рассматривать с двух сторон. С одной стороны, А. Коптелов является продолжателем тех традиций, которые сложились в русской литературе о Горном Алтае и алтайском народе, с другой стороны, писатель внес ценный вклад в тот опыт, который накоплен советской литературой, отдельными писателями, посвятившими свои книги жизни других народов Советского Союза.

Тема Горного Алтая и тема алтайского народа находила отражение в творчестве таких замечательных русских писателей, как Н. Наумов, В. Бахметьев, алтайские произведения которого были высоко оценены А. М. Горьким, В. Шишков, Г. Пушкарев, Е. Пермитин и др. Список этот можно бы продолжить. Следовательно, данная тема в творчестве А. Коптелова не является новой для русской литературы. Но она в произведениях этого писателя нашла своеобразное отражение. Писатель сумел ярко рассказать о жизни алтайского народа на новом этапе, начиная со строительства социализма в Горном Алтае и кончая сегодняшним днем.

В этом отношении интересно такое замечание А. Коптелова, сделанное в очерке «Горными тропами» (Сибирские огни, № 4, 1928): «Вспомнились «Чуйские были» В. Шишкова, и в записной книжке появились новые строчки: «Как далеко ушли алтайцы за эти 10—15 лет. Теперь уже нет таких аборигенов Алтая, о каких писал в 1913 году Шишков».

Следует отметить и такую особенность. Если в творчестве отдельных писателей тема Горного Алтая была эпизодической, то в творчестве А. Коптелова она стала постоянной и нашла достойное свое отражение в лучших его произведениях.

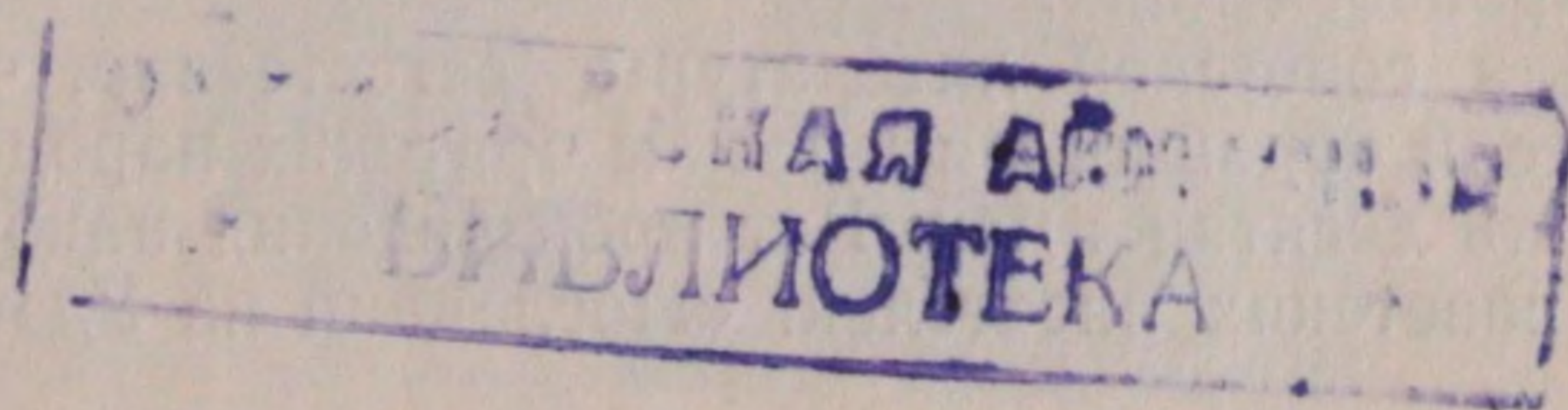
Для советской литературы естественно, что многие писатели обращаются к темам братских народов. Можно назвать десятки имен. Вот произведения наиболее крупных советских писателей: «Последний из Удэге» А. Фа-

деева, «Баташ и Батай» Ю. Лебединского, «Тайсын» А. Кожевникова, «Кара-Бугаз» и «Колхида» К. Паустовского, «Ниссо» П. Лукницкого, «Алитет уходит в горы» Т. Семушкина. Почетное место в ряду этих писателей занимает и А. Коптелов.

Писатель внес много нового в эту благородную тему советской литературы. Его произведения отличаются глубиной проникновения в жизнь алтайского народа. Самобытность, своеобразие его произведений, как уже указывалось, — результат прекрасного знания жизненного материала. В творчестве писателя нашла свое решение проблема, являющаяся первостепенной для советской литературы, проблема взаимовлияния и эстетического взаимообогащения русской и алтайской литератур. Уже было сказано, что писатель сумел обогатить свои произведения за счет алтайского фольклора. В свою очередь, произведения самого Коптелова стали достоянием алтайского читателя. Так, на алтайский язык переведен роман «Великое кочевье», ставший в литературной жизни Горного Алтая большим событием.

В творчестве А. Коптелова, несмотря на отдельные недостатки и просчеты, нашли свое достойное решение и многие другие важные проблемы советской литературы, как например, проблема положительного героя и национального характера, вопросы дружбы между народами нашей Родины, вопросы культурной революции отсталых в прошлом народов и многие другие жгучие проблемы современности.

А. Коптелов создал яркие художественные произведения, в которых с большой любовью нарисовал образ замечательных людей, прекрасные картины великолепной природы Горного Алтая, поэтому мы с полным правом можем назвать писателя певцом «этого очаровательного края нашей Родины».

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

ЛОН Г 1971

Колич. пред. выдач.

5

Цена 7 коп.